

Б. Н. Миронов. Народ–богоносец или народ–атеист: как сильно россияне верили в Бога накануне 1917 г.? // Родина. 2001. № 3. С. 52-58.

В современном российском обществе существует огромный интерес к религии, церкви и обрядам. Согласно всероссийскому социологическому опросу, проведенному в декабре 1997 г., 32.1% молодых людей в возрасте 16–26 лет ответили, что верят в Бога (против 2% в 1980–е гг.), 27% сомневаются, 13.9% безразличны к вопросу веры и лишь 14.6% не верят; среди всего населения доля верующих достигает 60% (ноябрь 2002 г.).¹ О возрождении интереса к религиозным обрядам говорят следующие данные по С.–Петербургской епархии (Петербург и Ленинградская область), которые можно считать типичными для всей России. За два года, 1991–1992 гг., было совершено обрядов крещений 327.2 тыс., венчаний 6.8 тыс. и отпеваний 72 тыс., другими словами, львиная доля новорожденных прошла обряд крещения, 6.3% новобрачных венчались и 41% умерших отпевались в церкви. Важно отметить, что обряд крещения совершили свыше 212 тыс. взрослых, поскольку число новорожденных составило 115.2 тыс., а крещений – 327.2 тыс.² В последующие годы процесс возвращения людей в лоно Православной церкви набирал силу, о чем свидетельствует быстрый рост числа приходов и духовных пастырей. В таблице 1 содержатся впервые публикуемые данные об изменении числа приходов и приходского духовенства в С.–Петербургской епархии в послевоенное время. В 1945–1959 гг., благодаря относительно либеральной политике в отношении церкви, число приходов увеличилось с 46 до 58, а численность приходского духовенства – со 116 до 180 человек. В 1960–1962 гг. под нажимом государства приходы стали

закрываются, а численность духовенства сокращаться – КПСС начала готовить россиян к жизни в условиях коммунизма. После смещения Н. С. Хрущева в 1964 г. и до начала перестройки в 1985 г. под влиянием нарастающих экономических и социальных трудностей политика наступления на церковь была остановлена, а с началом перестройки государство постепенно перестает вмешиваться в дела веры, что привело к невиданному и неожиданному оживлению церковной жизни и увеличению числа верующих.

Таблица 1. Динамика числа приходов и приходского духовенства в С.–Петербургской епархии в 1945–2000 гг. (на 31 декабря)

Год	Число приходов	Приходское духовенство*
1945**	46	116
1952	55	152
1959	58	180
1960	57	176
1961	54	144
1962	44	134
1970	46	132
1985	46	134
1987	48	138
1988	51	151
1989	53	153
1990	80	...
1991	124	260
1992	146	324
2000	270	505

* Священники, дьяконы и псаломщики. **Число духовенства на 1947 г.

Все это произошло после 80 лет мощной антирелигиозной пропаганды, промывания мозгов от рождения до смерти! Возникает два вопроса: Если религиозная вера не стала предрассудком после титанических усилий атеистов, то, наверное, крепки были корни? Чем объясняется религиозный ренессанс в

десятилетие бурной модернизации России?

Давайте попробуем оценить крепость корней, другими словами, степень религиозности народа до революции 1917 г. Методика, которая применяется современными социологами для оценки религиозности, к сожалению, нам не подходит. Давно нет людей, которых нам хочется опросить, да и смог бы правильно понять неграмотный или малограмотный крестьянин и рабочий наши вопросы и захотел бы на них отвечать, ведь люди разных эпох и менталитетов по-разному верят.

Живые свидетельства современников важны и интересны, но они очень разноречивы и фрагментарны, получить на их основе общую картину затруднительно, если вообще возможно. Одним казалось, что после отмены крепостного права и других Великих реформ 1860–1870-х гг. вера скудела, другим, наоборот, – росла. Одни жаловались на то, что посещаемость церкви падала, посты не соблюдались, церковные браки вытеснялись гражданскими, официальная церковь находилась в кризисе и т. д.; другие свидетельствовали об огромном росте числа сектантов, то есть о том, что религиозная вера принимала другие формы. «Как они нерелигиозны – в сущности! – писала известный этнограф О. П. Семенова–Тян–Шанская (1863–1903) о рязанских крестьянах. – Только при приближении старости в мужицкую душу изредка начинает закрадываться суеверный страх загробного возмездия. Да и тогда, разве они православные, как их считают? Нисколько».³ Между тем Л. Н. Толстой оценивал религиозность крестьян высоко, а Ф. М. Достоевский считал русских народом–богоносцем.

Чтобы избежать субъективизма, для оценки уровня религиозности XIX-начала XX в. мы воспользуемся статистическими данными о совершении православными таинств исповеди и причастии накануне Пасхи, которые ежегодно собирались во всех приходах с начала XVIII в., с царствования Петра I. Император преследовал в первую очередь религиозные цели, однако не забывал и о финансах – за пропуск исповеди полагался штраф, который был отменен только при Екатерине II. Эти данные являются важным показателем религиозности *именно простого народа*, который полагал, что только человек, соблюдающий все православные обряды и таинства, и был настоящим христианином, хотя бы и исполнял их чисто внешним образом. Еще одно принципиальное требование к верующему состояло в соблюдении постов, понимаемых простым народом прежде всего как воздержание в течение определенного времени от скоромной пищи и интимных отношений.

О чем же говорит исповедная статистика, которая охватывала все православное население Европейской России в возрасте старше 7 лет – от 17 млн. человек в 1780 г. (за более раннее время данные сохранились очень плохо) и до 80 млн. в 1913 г.? (см. табл. 2).

Таблица 2. Пропуск исповеди и причастия во время Великого поста лицами православного исповедания по неуважительным причинам в 1780–1913 гг.

Сословие	1780 г.	1802 г.	1825 г.	1845 г.	1855 г.	1860 г.	1869 г.	1900 г.	1913 г.
Дворянство	-	2	4	3	4	3	4.4	4.0	4.7
Духовенство	-	0	1	0	0	0	0.2	0.2	0.3
Городское	-	5	7	8	6	5	6.3	5.8	5.8
Крестьянство	-	3	7	8	9	9	11	7.3	6.3
Военные	-	5	5	5	6	7	8.1	7.4	3.8

Всего	2	3	7	8	9	8	9.9	7.2	6.0
-------	---	---	---	---	---	---	-----	-----	-----

Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства). Т. 2. С. 327.

Как видим, доля лиц, пропускавших исповедь и причастие *по неуважительным причинам*, или, как говорили люди того времени, «*по нерадению*», была мала – от 2% в 1780 г. до 7% в 1913 гг. Пропуск исповеди *по уважительным причинам*, к которым относились болезнь и временное отсутствие, давал еще 2-3%, следовательно, всего пропускали церковь от 4% в 1780 г. до 10% в 1913 г. от общего числа прихожан. Таким образом, активность прихожан была высокой – 90–96% – много выше, чем сейчас при выборах президента, причем за 133 года она мало изменилась. Цифры как будто говорят о том, что горожане были прилежнее крестьян – процент лиц, пропустивших исповедь по нерадению, среди крестьян поднимался до 11, а среди горожан – лишь до 8. Дело, однако, состояло не в нерадении, а отдаленности храмов. В каждом городе были церкви, в то время как в большинстве сельских поселений ее не было, а ближайшая находилась нередко в десятках километрах от места жительства. Вследствие этого в губерниях, например северных, где были распространены мелкие поселения, даже самому ревностному христианину не удавалось посетить церковь, особенно в апреле, когда дороги были не просто труднопроходимы, а непролазны. Именно погода и состояние дорог являлись существенным фактором колебаний процента посещаемости церкви для крестьян, поэтому процент посещаемости исповеди каждый год изменялся без всякой заметной тенденции. В городе подобные препятствия к посещению церкви отсутствовали,

поэтому—то и доля исповедовавшихся горожан была более или менее стабильной. Среди отдельных сословий наибольшая активность наблюдалась, как и следовало ожидать, у духовенства, затем у дворян и чиновников, потом у лиц военного и городского сословий, чаще других пропускали исповедь крестьяне, но это являлось, как мы только что сказали, скорее следствием не зависящих от человека обстоятельств, чем лености или возникновения антирелигиозных настроений. Только у дворянства с некоторой натяжкой обнаруживается правильное возрастание доли лиц, пропускавших исповедь, — 2, 3, 4, 4.7, что может говорить о какой—то тенденции, но это увеличение было все же крайне незначительным, чтобы на этом основании делать какие—либо выводы о падении веры. У других сословий процент нерадивых то увеличивался, то уменьшался, что говорит об отсутствии какой—либо тенденции и о влиянии каких—то привходящих обстоятельств — погода для крестьян, военные учения — для солдат и т.п.

Приведенные цифры рисуют столь высокую религиозную активность паствы, что закрадывается мысль: не фальсифицировали ли священники исповедную статистику, как это частенько делали избирательные комиссии во время выборов в советское время (может быть, кто—нибудь помнит это сакраментальную цифру — 99.8)? Думаю, что нет. Прежде всего в этом не было заинтересованности, а для любого действия должен быть мотив. Сведения собирались для внутреннего пользования. Правда, Синод полученные сведения обобщал и представлял императору в годовом отчете наряду со многими другими данными, но упоминания о подтасовке, взысканиях за плохую статистику или поощрениях за хорошие цифры в

документах Синода не встречаются. Священникам не ставилось в упрек существование нерадивых, да ведь и доходы причта зависели не от начальства, а от паствы, которая платила ему за совершение обрядов. Пропустившие исповедь не преследовались. Стоит обратить внимание и на то, что среди них находились духовные лица. На первый взгляд, 0.3% – это не много, но ведь в 1913 г. – это более 3000 тыс. человек. Если священники не скрывали даже нерадивость своих коллег и их жен и детей, зачем же им было скрывать нерадивость простых мирян?! Взятка? Для крестьянина было намного легче придти на исповедь, чем лишиться даже 10 коп. Наконец, в колебаниях процента нерадивых прихожан просматривается закономерность: ранняя весна и плохие от обилия талой воды дороги – больше пропусков, поздняя весна и хорошие по-зимнему дороги – меньше пропусков исповеди. На мой взгляд, подозрения в фальсификации не имеют под собой серьезных оснований.

Посещение исповеди можно понимать как показатель *внешнего благочестия*, так как оно контролировалось общественным мнением, церковными и отчасти светскими властями, которые непосещение исповеди могли трактовать как указание на принадлежность к расколу. Но вот соблюдение постов менее поддавалось контролю и поэтому данные о строгости соблюдения запретов могут пролить дополнительный свет на степень религиозности населения. Во время постов христианин должен был ограничивать себя в пище и в плотских радостях. Всякое веселье и проявление жизнерадостности осуждалось, светская музыка и пение, а также танцы запрещались. В зависимости от строгости, в том числе и в отношении

пищи, посты в русской православной церкви делятся на четыре категории: строжайший пост (употребление в пищу только хлеба, лука, кваса или воды), сухоядение (не употреблялось ничего приготовленного на огне, фактически употреблялась только сырая растительная пища), ядение сварения (разрешение растительной пищи в любом виде, в том числе приготовленной на огне) и ядение рыбы (запрещение мясной и молочной пищи). Кроме Великого поста, продолжавшегося 7 недель или 49 дней, имелись еще 15-дневный Успенский пост (1-15 августа по юлианскому календарю, или по старому стилю), 40-дневный Рождественский пост (15 ноября - 24 декабря) и переходящий и неопределенный по продолжительности (от 6 до 48 дней) Петровский пост (между маем и июлем). По строгости за Великим постом следовал Успенский, затем Петровский и Рождественский. Ослабление поста разрешалось больным, детям, престарелым и находящимся в особенных телесных трудах, например, армии во время походов. Разрешение солдатам употреблять мясо во время походов Петр I выхлопотал у константинопольского патриарха еще в 1716 г. Католическая церковь была снисходительнее православной и давно отказалась придерживаться первоначальной строгости религиозных постов. Во время поста католикам не запрещается употреблять рыбу, молоко, яйца и масло и от поста по всяким уважительным причинам освобождается большее число лиц. По свидетельству современников, ограничения на пищу во время поста православными соблюдались, в особенности простыми людьми. Богатые люди могли (хотя далеко не все этим пользовались) разнообразить растительную или рыбную пищу таким образом, что запреты и не

чувствовались: компот, картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох моченый, маковый хлеб, баранки, мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, бублики и сайки, изюм, пастила, постный сахар (лимонный, малиновый и т.п.), халва, гречневая каша с луком, постные пирожки с груздями, гречневые блины с луком, кутья с мармеладом, миндальное молоко с белым киселем, клюквенный кисель с ванилью, моченые яблоки, маринованные огурчики и т. д. могли заставить забыть о посте. Рестораны и кафе во время постов приноравливались к вкусам богатых посетителей, в них как в монастырях меню на первой и Страстной неделях ограничивалось одними грибными блюдами. Зато каков был ассортимент: грибы гретые с луком, капуста с грибами, грибы в тесте, галушки грибные, грибы холодные под хреном, грузди с маслом, грузди гретые с соком. Кроме грибов, меню предлагало горох – мятый, битый, цеженный и кисель – ягодный, овсяный и гороховый с патокой и миндальным молоком. Подавался чай с изюмом и медом и сбитень. В остальные недели поста в числе рыбных блюд подавали «очень вкусную “прикрошку тельную” – нечто вроде котлет, затем – не менее лакомый “кавардак” – род окрошки из разных рыб, кашу из семги, визигу с хреном, стерляжий присол, схаб белужий паровой, щуки–колодку, рассольный сиг, уху карасевую на сковородке и т.д.»⁴ Однако состоятельных людей в России было очень мало, доля так называемого среднего класса в населении, по моим подсчетам, в начале XX в. равнялась всего 5.5%. А простые люди в пост обыкновенно употребляли кашу, сваренную на воде, отварные горох и грибы, кислую капусту и квас, и потому пост не казался им приятным разнообразием.

Сказать, сколько людей соблюдали запреты на пищу в посты, мы не можем, так как подобная статистика не велась. Петр I попытался в 1720 г. такой учет ввести. Но потом от этой мысли отказался. Сохранился отчет одного священника из Шлиссельбургского уезда от февраля 1721 г. Согласно ему в Великий пост 1720 г. из 1042 человек постились около 60%, а не постились 40%.⁵ Правда, в числе лиц, не соблюдавших запрета, были военные и другие люди, на которых распространялись послабления. Общие же оценки говорят о том, что посты соблюдались. Например, историк Н. И. Костомаров, полагаясь на свидетельства современников, считал, что в XVII в. «обычай свято сохранять посты наблюдался как бедными поселянами, так и царями, и боярами».⁶ Известный этнограф С. В. Максимов (1831–1901) – «знаток русской жизни, ее духа, ее форм, ее юмора», по словам А. П. Чехова, утверждал на основании собственных наблюдений и материалов, присланных в Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева в 1898–1901 гг.: «Наш народ не только соблюдает посты во всей строгости церковного устава, но идет в этом отношении значительно далее, устанавливая сплошь и рядом свои постные дни, неизвестные церкви».⁷

В отношении запрета на интимные отношения тот же С. В. Максимов заметил: «Кроме воздержания в пище, крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание: считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком поступке не только подвергаются строгому внушению со стороны священника, но выносят немало насмешек и от своих односельчан, так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги “закон” в

посты».⁸ Однако мы можем оценить строго статистически степень соблюдения запрета на интимные отношения следующим образом. На время Великого поста, который продолжался 7 недель дней между февралем и маем (время поста было скользящим), в большинстве случаев март целиком приходился на пост, так как по Юлианскому календарю Пасха приходилась на интервал между 22 марта и 25 апреля. Если бы все православные люди соблюдали запрет, то в год, когда март целиком попадал на время поста, через 9 месяцев – в декабре, наблюдалась бы нулевая рождаемость. Чем меньше соблюдалось воздержание в Великий пост, тем больше была бы рождаемость в декабре, и наоборот. Следовательно, колебания рождаемости через 9 месяцев после поста могут служить показателем строгости соблюдения поста. Этот своего рода тест имеет преимущество перед другими, поскольку касается интимной стороны жизни человека, закрытой от других и не поддающейся прямому контролю общественного мнения – ведь женщина могла ответить на нескромный вопрос, что родила через 7 или 8 или 8.5 месяца. Мы располагаем всероссийскими данными о рождаемости по месяцам за 1867-1910 гг., которые показывают, что через 9 месяцев после окончания Великого поста (обычно в декабре) у православных и вообще у всех христиан наблюдалась минимальная рождаемость, а через 10 месяцев после поста (обычно в январе) - максимальная рождаемость. Пик рождаемости в январе – несомненная компенсация за воздержание во время поста. Следовательно, отношение максимальной рождаемости через 10 месяцев после Великого поста к минимальной рождаемости через 9 месяцев после Великого поста покажет нам, сколько людей соблюдали воздержание во время Великого поста. Для чистоты

эксперимента исключим из анализа 13 лет, когда хотя бы один день марта не попадал на время поста: 1868, 1871, 1874, 1877, 1882, 1885, 1888, 1891, 1893, 1896, 1904, 1907, 1909 гг.⁹ (см. табл. 3).

Таблица 3. Уменьшение рождаемости через 9 месяцев после Великого поста, 1867-1910 гг. (в %)

Население	1867-1870 гг.	1871-1880 гг.	1881-1890 гг.	1891-1900 гг.	1901-1910 гг.
Сельское	37	35	31	27	27
Городское	23	21	22	19	18
в т. ч. больших городов	19	20	18	17	15
в т. ч. малых городов	25	23	26	21	22
Женщины с внебрач- ными детьми	34	29	26	23	15
Православное	38	33	31	28	28
Католическое	26	32	28	23	20
Протестантское	18	23	21	19	20
Итого	37	34	29	27	26

Подсчитано по: Движение населения в Европейской России за [1867-1910] год. СПб., 1872–1916.

Есть, правда, одно важное обстоятельство, которое надо принять во внимание. Соблюдать половое воздержание можно было по религиозным соображениям и по всяким другим – здоровье, усталость, депрессия и т.п. Дело в том, что существовало *естественное снижение потенции у мужчин и женщин* в холодные, темные и часто не слишком сытые зимние месяцы в декабре-феврале, а также и особенно в марте – переходном месяце от холода к теплу, когда все продовольственные запасы от предыдущего года у крестьян (не забывайте, что это 82% населения страны в 1870 г. и 80% в 1913 г.) заканчивались и когда им нередко приходилось ограничивать себя в

пище. Вот как описывает необыкновенно тяжелый март 1872 г. А. Н. Энгельгардт, профессор химии и народник, хозяйствовавший 15 лет, 1862–1887 гг., в своем имени в Смоленской губернии: «Весною нынешнего года крестьянам пришлось совсем погибать. Ни хлебу, ни корму; всю солому с крыш потравили (отдали на корм скоту. – Б.М.), кислой капустой, у кого оставалась, овец кормили, даже семя льняное, у кого было оставлено для посева, все потравили. Каждый думал не столько о себе, сколько о скоте, как бы поддержать его до выгона на пастбище. В конце марта и начале апреля положение было ужасное».¹⁰ Конечно, не каждый март был столь тяжел. Но тем не менее в марте питание крестьянина ухудшалось, деньги заканчивались, а его «сожителство с женой, – как свидетельствовала Семенова–Тян–Шанская, – находилось в тесной связи с его сытостью или голодом, а также с выпивкой».¹¹ Вследствие этого потенциал человека несколько истощался и, значит, разница между минимум зачатий в марте и максимумом в апреле отчасти объяснялась естественным понижением потенции в марте. Как же нам оценить степень этого понижения? Сначала посмотрим, как обстоит дело в настоящее время. В 1989 г. в России, когда подавляющее число людей посты уже не соблюдало и не голодало, именно на февраль и март приходится наименьшее число зачатий – соответственно на 15 и 13% меньше, чем в апреле. Кто-то подумает, что не сопоставимо? Вот вполне сопоставимые данные. У ортодоксальных евреев, у которых вообще нет длительных постов и полового воздержания, в 1867-1910 гг., как раз в годы, которые мы изучаем, в феврале–марте зачатий было также 13–17% меньше, чем в апреле. Итак, если бы наши прабабушки и прадедушки вообще не

соблюдали полового воздержания во время Великого поста, то все равно зачатий в феврале–марте и, следовательно, рождений в ноябре-декабре было бы примерно на 14% меньше, чем в апреле. Поэтому наши данные из табл. 2 нужно уменьшить на 14% (см. табл. 4).

Таблица 4. Доля населения, практиковавшая половое воздержание во время Великого поста по религиозным соображениям, 1867-1910 гг. (в %)

Население	1867-1870 гг.	1871-1880 гг.	1881-1890 гг.	1891-1900 гг.	1901-1910 гг.
Сельское	23	21	17	13	13
Городское	9	7	8	5	4
в т. ч. больших городов	5	6	4	3	1
в т. ч. малых городов	11	9	12	7	8
Женщины с внебрач- ными детьми	20	15	12	9	1
Православное	24	19	17	14	14
Католическое	12	18	14	9	6
Протестантское	4	9	7	5	6
Итого	23	20	15	13	12

Можно предположить, что значительная доля православных и католиков воздерживались от половых контактов во время поста (для протестантов воздержания не требовалось). В 1860-е гг. доля лиц, соблюдавших воздержание, достигала у православных 24%, а у католиков - 12%. Обратите внимание, что даже число внебрачных детей, значит, и внебрачных связей, в Великий пост существенно понижалось – и, совершая грех, человек не забывал думать о грехе. Однако процент лиц, соблюдавших воздержание, со временем снижался, у православных – прямолинейно, а у католиков и протестантов – как тенденция, и к 1901-1910 гг. он

упал у православных до 14%, у католиков и протестантов - до 6%. В течение всего пореформенного времени процент лиц, соблюдавших пост, среди крестьян был выше, чем среди горожан, в малых и средних городах - выше, чем в крупных городах, а у лиц, состоявших в законном браке, - выше, чем у лиц, имевших внебрачные связи - у женщин, рожавших вне брака). Еще в 1860-е гг. около четверти православных соблюдали половое воздержание во время Великого поста, причем тогда в этом отношении существовало значительное различие между крестьянами и горожанами. Начиная с 1870-х гг. вместе с уменьшением процента лиц, соблюдавших воздержание, различие между городом и деревней стало уменьшаться и в 1901-1910 гг. составило 9% против 14% в 1867-1870 гг.

Таким образом, в 1860-е гг. среди православных во время Великого поста от плотских удовольствий воздерживались около 24%, а в 1910 г. - 14%. Много это или мало? На мой взгляд, очень много. Почти каждый четвертый в середине XIX в. и каждый седьмой в 1910 г., то есть приблизительно 11-12 млн. в 1867 г. и столько в 1910 г. взрослых людей в молодом и зрелом возрасте! Ведь рожали молодые женщины от молодых мужчин, поскольку средний возраст невест составлял 21-22 года, женихов 24-25 и после 40 лет женщины рожали мало. Пусть попробуют современные женатые мужчины и женщины в возрасте 21-45 лет в течение 49 дней воздерживаться от радостей интимных отношений! Думаю, выдержат не многие. Следует также иметь в виду, что церковь относилась достаточно снисходительно к нарушениям запрета, особенно на 2-6-й неделях Великого поста, не считая это большим грехом.¹² И несмотря на это, миллионы людей предпочитали воздержание.

По-видимому, до середины XIX в. практически все православные люди воздерживались от супружеских отношений на первой и последней, или Страстной, неделе Великого поста.

Снижение рождаемости также наблюдалось через 9 месяцев и после других постов. Но зафиксировать уровень воздержания во время этих постов невозможно, так как они не захватывали полностью какого-либо месяца, а учет рождаемости велся именно по календарным месяцам. Можно лишь констатировать, что строгость соблюдения всех постов в течение последней трети XIX-начала XX в. постепенно снижалась, так как различия в рождаемости по месяцам постепенно сглаживались.

Что мы знаем о воздержании в более раннее время? Современники дружно говорят о соблюдении постов. Статистические данные о рождаемости стали собираться с начала XVIII в., но за XVIII в. они плохо сохранились, а за первую половину XIX в. пока не обработаны историками. Ответить на вопрос нам помогут данные о датах рождения 439 зажиточных дворян XVI-XVII вв., которые сделали имущественные или денежные вклады в монастыри на помин души. Данные показывают, что в декабре рождаемость падала до минимума, а в январе по сравнению с декабрем увеличивалась на 29%.¹³ Теперь нам нужно решить, следует ли в данном случае вносить поправку на снижение потенции в марте ввиду физического ослабления организма? Вклады делали богатые люди, чье питание не зависело, а потенция и фертильность мало зависели от времени года. Следовательно, если и следует вносить поправку, то не такую существенную, как мы делали для 1867–1910 гг. Можно предположить, что в XVI-XVII вв. доля лиц, соблюдавших воздержание во

время Великого поста, находилась между 15% (29–14) и 29%, то есть составляла около 22% – примерно столько же, как и в 1860–е гг. Отсюда можно заключить, что благочестие православных россиян в течение четырех столетий находилось на одном, достаточно высоком уровне и, возможно, обнаружило легкую эрозию только в конце XIX–начале XX в. Однако снижение доли лиц, посещавших церковь, на 2–3% или доли лиц, соблюдавших половое воздержание во время постов, на 10% вряд ли можно считать революцией или наступлением эры атеизма. Это становится особенно наглядным, если сравнить Россию с другими европейскими странами. Например, во Франции уже в середине XIX в. исповедь на Пасху пропускали от 50 до 80% населения в зависимости от сословия.

Итак, подавляющее большинство православных посещали церковь, соблюдали обряды и миллионы отказывались от скоромной пищи и интимных отношений во время постов. О чем говорят эти факты? О том, что степень религиозности и в начале XX в. была высока и церковь оказывала огромное влияние на поведение людей. Вспоминаются слова С. Ю. Витте: «Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы он только не был народом христианским и православным, был бы совершенным зверем; единственное, что отличает его от зверя – это те основы, религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови. Если бы этого не было, то русский народ при своей безграмотности и отсутствии всякого элементарного образования был бы совершенно диким».¹⁴ Слова оказались пророческими. В 1917 г. заинтересованные люди сознательно поколебали

основы религиозности народа и последствия этого не замедлили проявиться. Когда Временное правительство в марте 1917 г. освободило солдат от обязательного соблюдения обрядов и таинств, что было истолковано скорее как рекомендация воздерживаться от соблюдения обрядов, доля солдат православного вероисповедания, совершивших причастие на Пасху 2 апреля 1917 г., сразу упала до 10%, в то время как на Пасху 1916 г. причастились почти все.¹⁵ Что за тем последовало, хорошо известно.

О чем же тогда говорит постепенный отказ людей от соблюдения полового воздержания во время постов? Это свидетельствует лишь о том, что в пореформенной России имела место медленная *секуляризация* массового сознания. Однако секуляризация – это отнюдь не *атеизация*. Напомню принципиальное отличие секуляризации от атеизации. Секуляризация – это освобождение различных сфер жизни общества и человека, социальных отношений и институтов от религиозного санкционирования. Скажем, раньше лидер страны венчался на царство, во время которого осуществлялся обряд помазания на царство, сообщавший, как полагали, правителю Божью благодать. Теперь обряд секуляризировался или десакрализовался – приносится клятва на конституции или на библии. Однако никто не отрицает значение обряда. Атеизация означает отрицание религии, воинственное безбожие. С повышением образовательного уровня людей и в ходе модернизации во всех странах происходит секуляризация сознания, которая не обязательно сопровождается ростом безбожия, хотя это не исключается. Например, в начале XX в. атеизация, по-видимому, затронула значительную часть российской

интеллигенции, о чем красноречиво говорит следующий факт. Однажды, в 1904 г., после одного из заседаний Московского психологического общества, объединявшего более 230 членов, долго и много спорили о бессмертии души. Под конец кто-то предложил поставить вопрос на баллотировку: голоса разделись, и, как констатировал один из участников, «бессмертие прошло большинством одного голоса».¹⁶ Конечно, голосованием вопросы веры не решаются. Однако широкое распространение атеизма среди дореволюционной интеллигенции подтверждается многими современниками.

Просвещение не ведет к атеизму – в современном, модернизированном обществе религиозность принимает другие формы. Слепая или сердечная вера вытесняется осмысленной религиозностью. Уже в средние века христианская церковь на Западе выдвинула три логических доказательства существования Бога – онтологическое, которое так изящно сформулировал позже, в XVII в., философ Р. Декарт: «я мыслю, следовательно, я существую», другими словами, если я мыслю Бога, значит, он существует; космологическое: поскольку все в мире имеет причину, то должна же быть причина всех причин, то есть Бог; телеологическое: наличие целесообразности и гармонии, повсюду разлитых во Вселенной, служит доказательством бытия Бога. И. Кант, которого потрясали звездное небо над головой и нравственный закон внутри человека, предложил четвертое – нравственное доказательство: «если нет высшего существа, если наша воля не свободна и душа делима и разрушима, как материя, тогда нравственные идеи и правила теряют все свое значение», другими словами, наличие совести доказывает присутствие в нашем

сердце Бога. С тех пор попытки рационализации веры не прекращались, как и не прекращались попытки эти доказательства опровергнуть. «Наша уверенность в действительности внешнего мира, – говорит Вл. Соловьев, – в такой же степени покоится на вере, как и наше убеждение в бытии Бога... Религиозная вера формально ничем не отличается от уверенности в бытии внешнего мира».¹⁷ В новое и новейшее время многие выдающиеся ученые, сделавшие великие открытия, которые нередко воспринимались как подрывающие идею Бога, были глубоко верующими (И. Ньютон, М. В. Ломоносов, И. П. Павлов, Ч. Дарвин и многие другие) и полагали, что вопрос о бытии Бога не поддается решению научными средствами, а является делом веры, что наука и вера в Бога могут жить, не исключая друг друга, так как наука и вера имеют свои особенные задачи. Вот почему, когда атеизм и материализм перестали быть в России государственной религией, многие люди почувствовали потребность в истинной вере и пришли в церковь. Они пришли, наверное, еще и потому, что даже тогда, когда они не ходили в церковь и забыли Бога, церковные колокола продолжали звучать у них в душе.

Примечания

¹ Мчедлов М. П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 107–110.

² Данные о совершении обрядов в 1991–1992 гг. и об изменении числа приходов и численности духовенства взяты из ежегодных отчетов С.–Петербургской епархии за 1946–2000 гг., хранящихся в Архиве епархии. Автор выражает благодарность ректору С.–Петербургской духовной академии Преосвященному Епископу Тихвинскому Константину за предоставленную возможность воспользоваться этими данными. Данные о брачности, рождаемости и смертности взяты из: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 13, 100, 152, 222–223; Санкт–Петербург и Ленинградская область в 1994 году. Статистический ежегодник. СПб., 1995; За строками цифр. Санкт–Петербург. 1995. СПб., 1996. С. 22, 54.

³ Семенова–Тян–Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С.104.

-
- ⁴ Пыляев М. И. Старое житье. Очерки и рассказы. СПб., 1897. С. 11–12.
- ⁵ Описание Архива Александро–Невской лавры. Пгр., 1916. Т. 3. С. 359–360.
- ⁶ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 180.
- ⁷ Максимов С. В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995. С. 543.
- ⁸ Там же. С. 545.
- ⁹ Всеобщий календарь на 1871 год. СПб., 1870. С.61–62.
- ¹⁰ Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 68.
- ¹¹ Семенова–Тян–Шанская О. П. Жизнь «Ивана». С. 59.
- ¹² Правила Православной церкви. С толкованиями Никодима, Епископа Далматинско–Истрийского. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 328 (Третье правило св. Дионисия, Архиепископа Александрийского). См. также: Смирнов С. М. 1) Древнерусский духовник. М., 1913. С. 114–115; 2) Материалы для истории древне–русской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М., 1913. С. 206–207; Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С. 27.
- ¹³ Kaiser, Daniel H. “The Seasonability of Family Life in Early Modern History,” *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1992. Vol. 46. P. 21-50. Расчеты Кайзера сделаны по Григорианскому календарю, но это не меняет дела, так как в этом случае в XVI–XVII вв. март всегда приходился на Великий пост.
- ¹⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. В 3–х томах. М., 1994. Т. 1. С. 378–379.
- ¹⁵ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 34.
- ¹⁶ Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью–Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1953. С. 65.
- ¹⁷ Цит. по: Журнал Московской патриархии. 1958. № 3. С. 70.